

Он вошел в комнату с кружкой горячего молока в руках. У самого порога кабинета он намеренно чуть сильнее оттянул и без того глубокий вырез своей домашней одежды, стараясь максимально плотно прижаться к Цяо И:

— Не сердись больше. Мой отец тебя обидел, но ведь говорят: за грехи отца отвечает сын. Может, позволишь мне сегодня искупить его вину любым способом, каким пожелаешь?

Цяо И обернулся и увидел, как из глубокого выреза Ван Чэна выглядывает белая кожа груди, а черная ночная сорочка с кружевной отделкой лишь подчеркивает этот контраст.

Цяо И невольно сглотнул, а затем одним резким движением оттолкнул Ван Чэна.

Тот, едва собравшись с духом и даже настроившись на то, чтобы завтра отпроситься с работы, никак не ожидал, что его так грубо отстранят. Лицо Ван Чэна мгновенно помрачнело:

— Цяо И, что это значит? Неужели всё правда, как говорил мой отец, и у тебя кто-то появился на стороне?

Он ведь тоже мужчина, и, хотя в их паре он занимал позицию «0,5» и был не против иногда быть сверху, Цяо И был слишком изнеженным и капризным, постоянно жаловался на боль и категорически отказывался меняться ролями. Ван Чэн, планируя связать с ним жизнь, терпел это. Но теперь, когда его открыто отвергают, да еще и после того, как с самого возвращения домой Цяо И вел себя странно и холодно, это стало последней каплей. Даже если обида была сильной, нельзя же так себя вести и отталкивать его.

Цяо И, опешив от такой дерзости, не сразу нашелся что ответить, но быстро взял себя в руки. Он поднялся, и на его лице промелькнуло явное отвращение. Подражая манере речи, сохранившейся в памяти настоящего Цяо И, он отрезал:

— Ты на словах винишь свою мать, а в мыслях — такой же, как он. Ван Чэн, запомни: я вышел за тебя не для того, чтобы найти себе хозяина, который будет меня унижать. Раз твой отец так мечтает о внуках, почему бы тебе самому не сделать ту операцию? Тем более, она бесплатная.

Хотя правительственная программа по такой операции была бесплатной, немногие мужчины решались на нее: после вмешательства организм получал серьезный ущерб, причем необратимый. Став «донором», мужчина уже не мог зачать ребенка ни с женщиной, ни с другим мужчиной — он был способен только вынашивать. Если только речь не шла о глубокой любви, когда партнер сам хотел подарить любимому жизнь, на такое никто не шел. Именно поэтому отец Ван давил на Цяо И: он считал, что его сын — «верхний», а значит, обязанность рожать лежит на супруге сына, ведь своего «драгоценного» ребенка ему было жалко.

Ван Чэн и сам был не в восторге от своей роли в постели. Он лелеял мысли о том, что если однажды добьется успеха, а Цяо И будет упрямиться, он просто разведется и найдет другую. Конечно, делать операцию он не собирался.

Задетый за живое, он немного сбавил обороты. Подумав, что Цяо И в тот момент всё же сглотнул — значит, чувства еще есть, просто он злится — Ван Чэн вновь смягчился и заговорил

вкрадчиво:

— Я просто вспылел. Я знаю, что мое положение в обществе ниже твоего, и всегда чувствовал себя неловко, боялся, что тебя кто-нибудь уведет. Я просто ревновал.

Его тон стал подобострастным. В прошлом Цяо И, стоило его немного поговорить, наверняка бы простил. Но Лу И был не Цяо И, и от одной мысли о том, что ждет настоящего Цяо И в будущем, его пробирал холод. Конечно, всё это еще не случилось, и он не должен был винить нынешнего Ван Чэна, но продолжать жить с ним он не собирался.

Он включил свой обычный тон для деловых переговоров:

— Ван Чэн, ты просил меня остыть — я остыл. Мое решение прежнее: развод.

Ван Чэн не выдержал:

— Развод, развод... Почему развод? Дай мне хоть одну причину!

— Ты должен знать: домашнее насилие бывает либо ноль раз, либо бесконечное количество. С самого рождения ни один человек, включая моих родителей, не смел тронуть меня и пальцем.

Ван Чэн знал, что Цяо И горделив и воспитан в современных реалиях, а такие дети, избалованные родителями, не терпят ни малейшего пренебрежения. Он набрался терпения:

— Ты же понимаешь, в деревнях детей учат строго, если не слушаются — бьют. Мой отец не со зла, по сравнению с другими семьями он еще добр. К тому же, ты ведь дал ему сдачи? Времена меняются, раньше даже учителя практиковали телесные наказания. Я поговорю с отцом, через пару дней отправим его домой. Давай жить нормально, без развода, хорошо?

Цяо И усмехнулся:

— Мне нет дела до того, что ты готов терпеть побои отца. Я ем свой хлеб, живу на свои деньги, с какой стати он посмел меня ударить? То, что я вывернул ему руку, — это еще проявление моего милосердия.

Его реакция была лишь защитным рефлексом, а не ответом насилием на насилие. Впрочем, объяснять это Ван Чэну не было смысла — пусть думает, что хочет.

Цяо И был так категоричен, что и у Ван Чэна лопнуло терпение:

— Домашнее насилие — это, конечно, плохо, но это отец тебя ударил, я-то тебя и пальцем не тронул! Я и так, и эдак, а ты всё упрямисься. Чего ты хочешь?

— Я уже сказал: развод. Мы в браке всего ничего.

Быть супругами — значит исполнять супружеский долг. Их брак не был фиктивным, но, несмотря на приятную внешность Ван Чэна, у Цяо И не было ни малейшего желания делить с ним постель.

— Я не согласен, — отрезал Ван Чэн. Как он мог согласиться? Столько усилий было потрачено на этот брак, разве можно так просто всё бросить?

Цяо И поднялся, и в этот момент Ван Чэн с глухим стуком опустился перед ним на колени:

— Пожалуйста, я умоляю тебя, давай не будем говорить о разводе.

Цяо И терпеть не мог людей, которые используют самобичевание как способ давления. Ван Чэн, готовый встать на колени, чтобы удержать его, — кто знает, на что еще он способен? В оригинальном сюжете говорилось, что Цяо И, находясь в подавленном состоянии, оступился и упал, а Ван Чэн остался «несчастливым вдовцом». Но в доме не было камер, и кто знает, не подтолкнул ли его Ван Чэн? Злить такого параноика — плохая идея.

— Встань, — сказал он.

— Если не простишь, я не встану.

Цяо И посмотрел на него сверху вниз:

— Если будешь стоять на коленях, можешь забыть о моем прощении навсегда.

Ван Чэн поднялся, выглядя таким жалким, словно большой золотистый ретривер. Последний человек, который вызывал у него подобные ассоциации, был трусливым и безответственным мужчиной, предавшим его перед самой свадьбой. Похоже, у всех подонков есть общие черты.

Цяо И заставил себя не думать о прошлом, когда он был Лу И:

— Иди отдохни. Сегодня я хочу побыть один.

Ван Чэн ответил:

— Я хочу остаться здесь, с тобой.

Он был достаточно умен, чтобы понимать: если он не будет мелькать у Цяо И перед глазами, тот наверняка доведет дело до конца. Такого он допустить не мог.

Цяо И невольно задержал на нем взгляд. Честно говоря, прежний хозяин тела не был идеален: красивый, обеспеченный, избалованный родителями, с ужасным характером. Ван Чэн же, напротив, казался очень терпеливым — иначе Цяо И никогда бы не вышел за него замуж. Будь он на месте Ван Чэна, давно бы развернулся и ушел.

«Кто много страдает, тот выше всех». В каком-то смысле он даже ценил это терпение Ван Чэна, если бы только тот не рассматривал его как ступеньку для карьерного роста.

— Как хочешь, — бросил Цяо И.

Тон его смягчился, и Ван Чэн облегченно выдохнул, даже не подозревая, что стоящий перед ним мужчина в этот момент думал: «Завтра нужно обязательно зайти к адвокату».

Они были молодоженами, и если бы он вернулся в спальню, им пришлось бы спать в одной постели. Цяо И этого не хотел. Он остался в кабинете, и, когда его одолела усталость, просто уснул, уронив голову на стол.

Проснувшись на следующее утро, он взглянул на часы — было девять. К счастью, выходные, так что ничего страшного. Умываясь и глядя в зеркало, он в очередной раз осознал: он больше не Лу И, который каждое утро без исключений вставал в шесть, он — обычный дизайнер Цяо И.

Выйдя из ванной, он обнаружил в комнате двоих человек. Мужчина был на пять лет старше и поразительно напоминал самого Цяо И — словно его повзрослевшая копия. Это были родители Цяо И, приехавшие после вчерашнего звонка сына.

Ван Чэн и его отец тоже были там. В присутствии родителей Цяо И они вели себя безупречно, особенно отец Ван — невозможно было узнать в нем того надменного человека, который вчера так грубо разговаривал с Цяо И.

Цяо И сразу понял: дело плохо. И точно, после недолгого разговора родителей Цяо И их отношение к Ван Чэну заметно смягчилось. Когда Ван Чэн ушел на кухню мыть фрукты, мать Цяо И позвала сына:

— Пойдем в твою комнату, мне нужно поговорить с тобой наедине.

Цяо И завел ее в кабинет и запер дверь:

— Мам, говори прямо, что случилось.

— Ох, ребенок ты мой... — мать вздохнула, не зная, что с ним делать. — Ван Чэн всё рассказал о вчерашнем. Ты тоже был неправ, сломав руку его отцу. Почему ты мне не сказал?

Цяо И промолчал. Если жаловаться, то только на то, что выгодно тебе.

— Это был защитный рефлекс, — оправдался он.

— Рефлекс? Ты что, каждый день от террористов отбиваешься? Ты ведь даже на карате не ходил, откуда у тебя такой рефлекс? — мать явно не верила.

Прежний Цяо И действительно не умел, но Лу И умел. Однако признаться в этом он не мог.

— Кто первый начал, тот и виноват. Он первым распустил руки, я лишь ответил.

— Ладно, ладно, — перебила мать. — Но он старше, твой ответ был слишком жестким. Ты уже остыл, хватит заводить разговоры о разводе.

— Но вчера вечером вы с папой меня поддерживали.

Вопросы развода — это дело двоих. Но Лу И прекрасно понимал: ситуация Цяо И отличается от его собственной. Он всегда был независим, и родители уважали его выбор, не вмешиваясь в жизнь. Цяо И же был очень привязан к родителям, в их глазах он навсегда остался неразумным ребенком, и даже нынешняя работа была получена благодаря связям отца.

Он глубоко вздохнул:

— Мам, я не шучу и не капризничаю. Я действительно хочу развестись с Ван Чэном.

Он сел напротив матери и, не мигая, посмотрел ей в глаза. Выражение его лица не оставляло сомнений: он настроен серьезно.

Мать тоже нахмурилась:

— Не в обиду будь сказано, ты мой сын, я всегда буду на твоей стороне, но вчера вы оба были неправы. А больше всех виноват этот скандальный отец Ван Чэна.

Она перевела дыхание и продолжила:

— Но Ван Чэн уже сказал: его отец приехал всего на пару дней и сегодня уезжает, он уже купил билет. Его деревня так далеко, человек в возрасте, больше он не будет устраивать такие сцены.

Она знала, что сын расстроен, но в этом мире разве можно прожить без обид?

— Я ведь просила тебя не выбирать Ван Чэна, но ты настоял. Раз уж поженились — учитесь притираться друг к другу. Ты живешь с Ван Чэном, а не с его отцом. Если он к тебе хорошо относится, к чему эти крайности?

Видя, что Цяо И молчит, она добавила:

— Твой характер — это мы с папой тебя избаловали. Кто еще, кроме Ван Чэна, будет терпеть

твои выходки и позволять тебе спать? Мы с твоим отцом тоже ссоримся, в браке нужно уметь меняться ради другого.

Родители не знали правды: Цяо И был «верхним», и на самом деле это их семья была в выигрыше. Из уважения к чувствам Ван Чэна они даже не возражали, когда окружающие называли Цяо И «женой».

Мать высказала всё, что думала, призывая сына не быть таким упрямым. Перед лицом матери, которая искренне желала ему добра, Цяо И замолчал. Будь он Лу И, у него хватило бы авторитета убедить их, но Цяо И — другое дело. Даже если он будет требовать развода, поддержки родителей он не получит.

Он терпеливо выслушал мать, а затем принял предельно серьезный вид:

— Мам, решение развестись с Ван Чэном — результат моих глубоких раздумий.

Мать открыла рот, чтобы что-то сказать, но Цяо И перебил ее:

— Я не перебивал тебя, когда ты говорила. Пожалуйста, выслушай меня до конца, а потом выскажешься, хорошо?

Это был вопрос, но тон звучал как приказ. Мать замолчала. В этот миг ей показалось, что ее незрелый сын вдруг стал пугающе похож на ее строгого начальника — такой же серьезный и властный.

— Первое: у родителей Ван Чэна только один сын. Как я не могу бросить вас, так и он не может полностью разорвать связь с родителями.

— Конечно, если бы он их бросил, такой мужчина нам был бы не нужен.

Цяо И жестом остановил ее:

— Пожалуйста, дослушай. Второе: в браке важнее всего доверие. Неравный брак не может длиться долго, если оба партнера не больны на голову.

Он подвел итог:

— Вчера, когда Ван Чэн вернулся, его мать рыдала на полу. Он даже не взглянул на меня, не спросил, что случилось, а сразу потребовал, чтобы я извинился перед ней. Но как только я заговорил о разводе, он тут же изменил тон и заставил ее извиняться передо мной.

Это были интимные подробности, но ситуация требовала откровенности:

— Вчера он пришел просить прощения. Сначала злился, а потом бухнулся на колени. Я считаю, что у него слишком развита тяга к театральности, и он не любит меня настолько,

чтобы пожертвовать своим достоинством.

На самом деле, сказать, что Ван Чэн совсем не любил Цяо И, было бы неправдой, но его комплекс неполноценности был слишком силен. Перед Цяо И он вел себя подобострастно, а добившись успеха, наверняка бы бросил его при первых же трудностях.

Мать открыла рот, не зная, что ответить. Она вздохнула:

— Но вы же только поженились. Найти человека, который тебя любит и терпит, очень трудно.

Цяо И нанес решающий удар:

— Мам, ты права: в браке нужно идти на компромиссы. Но есть одна вещь, на которую я пойти не могу. Отец Ван Чэна хочет, чтобы я родил ребенка. Ван Чэн тоже этого хочет, но сам рожать не желает.

Скрытый смысл был очевиден: если Ван Чэн не хочет рожать, а Цяо И не будет — значит, ребенок появится от кого-то другого. Это была огромная угроза. Мать могла простить зятю многое, но только не это.

Когда они вышли из комнаты, отношение матери кардинально изменилось — теперь она сама поддерживала развод. Поскольку сват был дома, она не стала говорить об этом открыто, но вела себя холодно и вскоре ушла, ясно дав понять, что не желает больше видеть семейство Ван.

Ван Чэн, видя, как изменилось отношение родителей Цяо И, не на шутку испугался. Он понимал, что всё из-за грубости и вспыльчивости его отца. В тот же день он отвез отца на вокзал и отправил обратно в их уездный городок. По дороге отец продолжал ворчать, проклиная семью Цяо за их высокомерие и деньги, но Ван Чэн молчал. Он был измотан. Ему казалось, что если так пойдет и дальше, он сломается раньше, чем добьется успеха.

Автомобиль притормозил у вокзала, и вдруг Ван Чэн увидел знакомую фигуру. Он поспешил завести машину, обогнал прохожего и, посигналив, опустил стекло:

— Юй Чжао?

Мужчина, которого позвал Ван Чэн, остановился и обернулся. Неуверенно переспросил:

— Ван Чэн?

На лице Ван Чэна появилась улыбка:

— Это я! У тебя есть время? Столько лет не виделись, может, посидим где-нибудь?

Молодой человек кивнул. Десять минут спустя они сидели в чайной у окна. Перед Ван Чэном стоял кофе, а Юй Чжао заказал лимонад.

Ван Чэн разглядывал его:

— Лет шесть-семь прошло, не меньше? Ты совсем не изменился.

Глядя на Юй Чжао, он словно видел свое прошлое, те незабываемые юные годы. Хотя та пора была полна и горечи, и сладости, сейчас он помнил только самое лучшее.

— Ты ведь учился в университете Цинъюй, верно? Почему работаешь не в Цинъюе, а здесь, в провинциальном центре?

Голос Юй Чжао стал тише:

— Я бросил учебу несколько лет назад.

Ван Чэн изумился:

— Как так?

Юй Чжао всегда был лучшим учеником в их классе. В их маленьком городке родители запрещали детям дружить с двоечниками, а Юй Чжао всегда занимал первое место. Ван Чэн не завидовал ему, потому что питал к нему особые чувства. Конечно, разрыв в успеваемости был слишком велик, и он, вечный второй, мог лишь восхищаться им издалека.

<http://bllate.org/book/22164/2308915>